

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ DISCUSSIONS AND DISPUTATIONS

Эксперимент С. Милгрэма: стоит ли умножать сущности?

Заметки по поводу статьи В.Н. Павленко

«Эксперимент С. Милгрэма сквозь призму исторической психологии»
(«Социальная психология и общество». 2019. Т. 10. № 3. С. 5–18)

Семечкин Н.И.

**ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет» (ФГАОУ ВО ДВФУ),
г. Владивосток, Российская Федерация**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8738-3686>, e-mail: semchkin_nik@mail.ru

Статья В.Н. Павленко «Эксперимент С. Милгрэма сквозь призму исторической психологии» является одной из немногих попыток на постсоветском пространстве искреннего и беспристрастного анализа — осмысления американских классических социально-психологических исследований. Уже по этой причине работа автора заслуживает внимания и уважения. Вместе тем в силу логико-методологических просчетов статью В.Н. Павленко, на мой взгляд, нельзя отнести к разряду удачных. Почему? Об этом в «заметках» ниже.

Ключевые слова: эксперимент Милгрэма, логика, методология, редукция, социальная психология, принцип/закон достаточного основания.

Для цитаты: Семечкин Н.И. Эксперимент С. Милгрэма: стоит ли умножать сущности? Заметки по поводу статьи В.Н. Павленко «Эксперимент С. Милгрэма сквозь призму исторической психологии» («Социальная психология и общество». 2019. Т. 10. № 3. С. 5–18) // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 3. С. 211–217. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110314>

Milgram's experiment: Is it worth to multiply the entities?

Notes about the article V.N. Pavlenko

“S. Milgram's experiment through the lens of historical psychology”
(Social psychology and society, 2019. Vol. 10, no. 3, pp. 5–18)

Nikolai I. Semchkin

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8738-3686>, e-mail: semchkin_nik@mail.ru

The article V.N. Pavlenko “S. Milgram's experiment through the lens of historical psychology” is one of the few attempts in the “post-Soviet space” of sincere and impartial analysis and understanding of american classical socio-psychological research. For this reason, the author's work deserves attention and respect. At the same time because of logical and methodological miscalcula-

tions the article of V. Pavlenko, in my opinion, cannot be classified as successful. Why? About this in the “notes” below.

Keywords: Milgram’s experiment, logic, methodology, reduction, social psychology, principle/law of sufficient foundation.

For citation: Semechkin N.I. Milgram’s experiment: Is it worth to multiply the entities? Notes about the article V.N. Pavlenko “S. Milgram’s experiment through the lens of historical psychology” (Social psychology and society. 2019. Vol. 10, no. 3, pp. 5–18). *Sotsial’naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 3, pp. 211–217. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110314> (In Russ., abstr. in Engl.)

Статья Валентины Николаевны Павленко «Эксперимент С. Милгрэма сквозь призму исторической психологии» [4], безусловно, интересная и важная работа, поскольку затрагивает не часто обсуждаемую в психологической научной периодике постсоветского пространства проблематику классических социально-психологических исследований. Раньше, как мы помним, все, что касалось американской по происхождению, «буржуазной» социальной психологии как науки, у нас либо замалчивалось, либо критиковалось с позиций «единственно верного» марксистско-ленинского подхода. В этом отношении идеологическая порядочность автора статьи достойна уважения.

В то же время работа В.Н. Павленко вызывает целый ряд вопросов. Основной и главный из них — действительно ли заведомо неверифицируемые гипотезы¹ Бориса Поршнева (о палеопсихике троглодитов) и Джулиана Джейнса (о двухкамерном — «бикамеральном» разуме) способны дать ключ к пониманию результатов, полученных в исследованиях Стэнли Милгрэма?

Сомнения здесь вызывает, прежде всего, правомерность и обоснованность использованного автором статьи методологического приема объяснения полученных в эксперименте С. Милгрэма

результатов. С логической точки зрения подобный метод рассуждения, когда одно непонятное явление, в данном случае — массовое подчинение авторитету, объясняется через другие, еще более непонятные, да к тому же и умозрительно сконструированные — гипотетические версии психики древнего и даже ископаемого человека, — представляет собой широко распространенную, надо признать, логическую ошибку.

В методологическом же отношении предложенная В.Н. Павленко интерпретационная модель означает не что иное, как попытку искать объяснение социально-психологическим феноменам не в сфере собственно социальной психологии, а за ее пределами. В логике и методологии подобный способ рассуждения называется редукцией. В случае объяснительной модели В.Н. Павленко мы имеем дело с эволюционно-биологическим и анатомо-физиологическим редукционизмом. Последовательное его применение при интерпретации результатов, полученных в континууме психологических исследований, автоматически лишает социальную психологию (как науку) статуса фундаментальной антропологической дисциплины, низводя в то же время понимание самой психики до уровня гоббсовского эпифеномена-

¹ Хотя автор и называет их теориями, по сути, мы имеем дело с замысловатыми, но заведомо непроверяемыми гипотезами, обреченными оставаться в таком качестве в силу их неверифицируемости.

лизма. В истории психологии подобное уже неоднократно случалось, достаточно вспомнить не самую удачную попытку создания «научной психологии» Вильгельмом Вундтом и его последователями — структуралистами (Эдвард Титченер). Еще один пример — проект радикального бихевиоризма («архибихевиоризм») Джона Уотсона. Во всех подобных случаях (как названных, так и не названных) психологии отводилась роль регистратора психических феноменов, а их объяснение осуществлялось посредством естественнонаучной редукции.

Поэтому психологам-исследователям необходимо иметь отчетливое понимание, что редукция психических явлений к биологии (эволюции) или (тем более) к анатомии и физиологии ЦНС резко сужает интерпретационную базу всех психических фактов, ограничивая, по сути, обсуждение любых данных, полученных в любом психологическом исследовании, только одним возможным вариантом объяснения результатов, который выглядит примерно так: «Вот такие мы — люди. Такими нас сделала мать-природа (эволюция). Такковы наши физиология и анатомия ЦНС. А ответ на вопрос “почему мы такие?” можно найти только в биологии и физиологии ЦНС».

Следующий вопрос, неизбежно возникающий при знакомстве с обсуждаемой статьей, тоже очень серьезный — является ли подчинение авторитету врожденной или приобретаемой поведенческой характеристикой человека? Если следовать логике рассуждений В.Н. Павленко, то можно прийти к заключению, что подчинение авторитету (повиновение, покорность) является врожденным видовым признаком человека. Правда, сама автор такого вывода не делает, используя более обтекаемые понятия, касающиеся подчинения: «рудимент» и «рецидивы». Хотя, с

другой-то стороны, уже само использование биологического термина «рудимент» по отношению к социально-психологическому паттерну поведения — подчинение авторитету — подталкивает к выводу о его врожденном характере, ведь рудиментарные образования являются видовыми признаками.

Располагает ли современная психология сколько-нибудь убедительными доказательствами того, что человек обладает какими-то врожденными социально-психологическими характеристиками, в том числе и унаследованной готовностью подчиняться авторитету (паттерном подчинения авторитету)?

Скорее всего, нет. Более того, большинство общепризнанных, авторитетных (не маргинальных) психологических теорий утверждают обратное, отстаивая ту точку зрения, что человеческое подчинение — исключительно социальное, приобретаемое, а не биологически детерминированное (инстинктивное) поведение. Так, уже Габриель Тард утверждал, что подчинение (так же как конформизм и другие формы социального контроля) формируется у человека в процессе социализации путем воспитания и научения, что навыки подчинения появляются у людей вследствие общественного (социального) способа их существования [6]. Такую же позицию отстаивает и Альберт Бандура в своей теории социального научения [1]. А Вильгельм Райх вообще полагает, что подчинение-повиновение авторитетам специально культивируется государством и общественными институтами (семья, школа), чтобы формировать у индивидов и масс покорность, то есть такую социально-психологическую характеристику, которая облегчает возможность социально-политического и экономического господства правящих классов [5]. Да и сам Стэнли Милгрэм,

анализируя полученные в своих исследованиях данные, приходит к выводу, что подчинение авторитету (власти, государству) становится для человека настолько укорененной (но не врожденной) привычкой, что автоматизм ее действия способен подавлять этическое воспитание, сострадание и социальные нормы [3].

Еще один вопрос, невольно возникающий после прочтения статьи, также связан с методологией. Посыл, содержащийся в названии работы В.Н. Павленко «Эксперимент С. Милгрэма сквозь призму исторической психологии», заставляет предположить, что объяснительная версия, которую использует автор, применима только к результатам данного эксперимента американского исследователя. В принципе, такой «суженный» вариант интерпретации данных, полученных в конкретном исследовании, имеет право на существование. Действительно, лабораторный эксперимент тем и хорош, что позволяет получить некий психический феномен «в чистом виде». В данном случае речь может идти о «рафинированном», «беспримесном» подчинении авторитету, отличающемся от подчинения в реальной жизни тем, что в лабораторных условиях отсутствуют такие действующие в повседневной социальной реальности силы контроля, как тревога и страх перед политическими репрессиями, экономическими лишениями, социальным ostracismом и т.д.

Но, во-первых, в статье нет уточнений относительно того, что предложенная автором гипотеза распространяется только на полученные в эксперименте Милгрэма результаты и не касается подчинения авторитету вообще, то есть подчинения в условиях реальных социальных отношений. Во-вторых, если бы даже такое уточнение в тексте и присутствовало, то, учитывая изложенные выше соображения,

касающиеся логико-методологической несостоятельности редукции как способа доказательства, они бы мало что изменили. К тому же сам С. Милгрэм, объясняя свою экспериментальную идею, отмечает: «Феномены подчинения и неподчинения можно исследовать и в лабораторных условиях, но все же наиболее значимые формы их выражения мы находим в реальной жизни» [3, с. 130].

И здесь возникает еще одна проблема, связанная с обсуждаемой статьей. Мы уже выяснили, что биологическая и анатомо-физиологическая редукция, использованная автором для объяснения результатов социально-психологического исследования Милгрэма, выводит их обсуждение из собственно психологической плоскости на уровень естественно-научной проблематики.

Но необходимо иметь в виду, что предпринятая автором редукция выводит результаты исследования также и из области нравственных суждений и оценок. Конечно, широко распространенное мнение, что психология, как и всякая другая наука, не должна заниматься проблемами морали, отчасти верно. Хотя, с другой-то стороны, совесть, будучи категорией морали, не в меньшей мере является и социально-психологической категорией, а следовательно, и психологической проблемой. Во всяком случае, сам Милгрэм сформулировал экспериментальную коллизию своего исследования как «конфликт между подчинением авторитету и совестью» [3, с. 128].

И действительно, замысел эксперимента американского психолога возник не из академического интереса. Сам исследователь в качестве причины, побудившей его к проведению эксперимента, называет преступления Второй мировой войны и, в частности, Холокост. Он пишет, «что лабораторная парадигма по-

просту явилась научной формой выражения моей обеспокоенности проблемой подчинения авторитету — обеспокоенности, порожденной ужасами Второй мировой войны и свойственной людям моего поколения, особенно евреям, к которым принадлежу и я» [3, с. 129].

Думается, озабоченность, высказанная американским психологом, в не менее острой форме должна быть присуща и психологам-исследователям постсоветского пространства. Ведь в истории XX века были и другие, пожалуй, даже более масштабные, чем Холокост, примеры как преступных приказов, так и преступного подчинения. Я имею в виду репрессии советского периода и связанную с ними систему ГУЛАГ, где имелись свои бесчисленные концентрационные лагеря, в том числе и лагеря смерти. И, наверное, с позиции исторической справедливости было бы очень некорректно (хотя, конечно, соблазнительно в силу простоты) объяснять все чудовищные нацистские и коммунистические преступления незамысловатым рассуждением: «А что вы от нас хотите? Да, вот такие мы! Мы люди — плоды биологической эволюции! У всех нас имеются психические рудименты и всем нам свойственны архаические рецидивы!», тем самым выводя эти преступления из сферы моральной ответственности.

Но уже сами результаты исследования Милгрэма не позволяют нам делать подобные выводы. Бездумное, в силу привычки, подчинение «преступным приказам» экспериментатора проявляли не все испытуемые. Некоторые из них (а в общей сложности на разных этапах эксперимента неподчинение «авторитету» продемонстрировали 14 человек) в процессе эксперимента начинали думать, у них просыпалась совесть, что позволило им противостоять влиянию. Разви-

тая совесть, конечно, достаточно редкое качество. У многих людей она либо отсутствует совсем, либо находится в зачаточном состоянии. Поэтому поведение подавляющего большинства людей регулируется не совестью, а стыдом. Именно этим обстоятельством можно объяснить распространенность подчинения преступным приказам и распоряжениям, причем не только в экспериментальных условиях, но и в повседневной жизни.

Кроме того, манипулирование независимыми переменными в виде ситуационных факторов — анонимность и персонификация «жертвы», авторитетность учреждения, проводящего исследование, физическое присутствие или отсутствие лица, отдающего распоряжения, и т.д. — позволяло Милгрэму довольно существенно варьировать получаемые результаты. То же самое, кстати, происходило в многочисленных репликациях эксперимента.

Вообще-то, имеется огромное количество литературы (в основном, к сожалению, зарубежной), посвященной психологическому обсуждению шокирующего исследования Милгрэма. Так, например, Эрих Фромм, анализируя данное исследование, приходит к выводу, что у большинства испытуемых, судя по их поведению на грани нервного срыва, имелись бессознательные установки против жестокости и насилия [7]. В пользу этой позиции говорит и тот факт, что испытуемые Милгрэма сразу и безоговорочно подчинялись конструктивным распоряжениям экспериментатора, когда поступала команда прекратить исследование. В то время как деструктивные распоряжения о продолжении наказания «учеников» встречали возражения и пассивное сопротивление.

Филипп Зимбардо, который под влиянием эксперимента Милгрэма в 1969 году провел собственную модификацию исследования, где в качестве

основной переменной выступала анонимность, указывает на такую фундаментальную причину поведения испытуемых, как латентно присутствующая, но скрытая, подавленная агрессивность [9]. Помимо того, Ф. Зимбардо и Майкл Ляйппе отмечают, что дополнительным психологическим фактором, повлиявшим на поведение испытуемых Милгрэма, послужили информационное и нормативное влияние [2]. Роберт Чалдини расценивает подчинение, в том числе и подчинение авторитету, как социально необходимое и даже полезное поведение, подчеркивая вместе с тем пагубность бездумного, деструктивного подчинения [8]. Точку зрения Милгрэма на подчинение как на автоматизирующую поведение индивидов привычку полностью разделяет Роджер Браун [2]. Ну и так далее.

Словом, в современной социальной психологии нет недостатка в психологи-

ческих версиях интерпретации результатов милгрэмовского эксперимента. Все это свидетельствует о том, что мы имеем дело с чисто психологическим феноменом, а не с эволюционно детерминированным поведением.

Поэтому в качестве заключения к своим кратким заметкам по поводу статьи В.Н. Павленко хотелось бы напомнить, что еще Аристотель, создатель системы логики, вывел принцип достаточного основания (обоснования), получивший в Средние века благодаря Уильяму Оккаму название «Бритвы Оккама», а в Новое время этот же принцип в качестве методологического закона был сформулирован уже Готфридом Лейбницем. Суть закона проста: не стоит для объяснения привлекать новые сущности без крайней на то необходимости. Или, более кратко: не нужно множить сущности без необходимости...

Литература

1. Бандура А. Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000. 320 с.
2. Зимбардо Ф., Ляйппе М. Социальное влияние. СПб.: Питер, 2000. 448 с.
3. Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. СПб.: Питер, 2000. 336 с.
4. Павленко В.Н. Эксперимент С. Милгрэма сквозь призму исторической психологии // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 3. С. 5–18. DOI:10.17759/sps.2019100301
5. Райх В. Функцияоргазма. Основные сексуально-экономические проблемы биологической энергии. СПб.: Университетская книга; М.: АСТ, 1997. 305 с.
6. Тард Г. Законы подражания. М.: Книга по Требованию, 2012. 378 с.
7. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ, 2010. 621 с.
8. Чалдини Р. Психология влияния. СПб.: Питер Ком, 1999. 272 с.
9. Zimbardo P.G. The Human Choice: Individuation Reason and Order versus Deindividuation Impulse and Chaos // Nebraska Symposium on Motivation / In Arnold W.J., Devine D. (eds.). Lincoln: University of Nebraska Press, 1969. Vol. 17. P. 237–307.

References

1. Bandura A. Teoriya sotsial'nogo naucheniya [The Social Learning Theory]. St. Petersburg: Evraziya, 2000. 320 p.
2. Zimbardo F., Lyaippe M. Sotsial'noe vliyanie [The Psychology of Attitude Change and Social Influence]. St. Petersburg: Piter, 2000. 448 p.
3. Milgram S. Eksperiment v sotsial'noi psikhologii [The Individual In a Social World]. St. Petersburg: Piter, 2000. 336 p.
4. Pavlenko V.N. Eksperiment S. Milgrema skvoz' prizmu istoricheskoi psikhologii [S. Milgram's experiment through the lens of historical psychology]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* =

Social Psychology and Society, 2019. Vol. 10, no. 3, pp. 5–18. DOI:10.17759/sps.2019100301. (In Russ., abstr. in Engl.)

5. Raikh V. Funktsiya orgazma [Function of orgasm]. St. Petersburg: Universitetskaya kniga, Moscow: AST, 1997. 305 p.

6. Tard G. Zakony podrazhaniya [Laws of Imitation]. Moscow: Kniga po Trebovaniyu, 2012. 378 p.

7. Fromm E. Anatomiya chelovecheskoi destruktivnosti [Anatomy of Human Destructiveness]. Moscow: AST, 2010. 621 p.

8. Chaldini R. Psikhologiya vliyaniya [The Psychology of Influence]. St. Petersburg: Piter Kom, 1999. 272 p.

9. Zimbardo P.G. The Human Choice: Individuation Reason and Order versus Deindividuation Impulse and Chaos. In Arnold W.J. and Devine D. (eds). *Nebraska Symposium on Motivation*. Lincoln: University of Nebraska Press, 1969. Vol. 17, pp. 237–307.

Информация об авторах

Семечкин Николай Иванович, кандидат философских наук, профессор Школы искусств и гуманитарных наук, ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет» (ФГАОУ ВО ДВФУ), г. Владивосток, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8738-3686>, e-mail: semchkin_nik@mail.ru

Information about the authors

Nikolai I. Semchkin, PhD in Philosophy, Professor, Department of Psychology and Education at School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8738-3686>, e-mail: semchkin_nik@mail.ru

Получена 16.03.2020

Received 16.03.2020

Принята в печать 03.07.2020

Accepted 03.07.2020